

Моим родителям

ЧАСТЬ I

Чжифу, Китай
1882

Когда меня похищают, это происходит не в каком-то переулке. Это происходит не посреди ночи. Это происходит не в тот момент, когда я оказываюсь одна.

Когда меня похищают, мне тринадцать лет, я стою посреди рыбного рынка Чжифу в районе набережной и наблюдаю, как дородная женщина сгребает в кучу рыбешек-сигов, похожих на маленькие лопатки. Женщина приседает на корточки, спрятав колени под мышками, и перекладывает рыбин так, чтобы наверху оказались самые лучшие. Вокруг нас дюжина торговцев рыбой делает то же самое, их товар висит в сетях, и они извиваются. Под сетями стоят ведра для воды, стекающей с рыбьих тушек. Земля блестит от воды, льющейся с еще живых рыб. Когда они вертятся в воздухе, то сверкают, как серебряные петарды.

Здесь повсюду пахнет сыростью.

Кто-то кричит: «Красный луциан! Свежий! Прямо из Чжилийского залива». Другой голос, громче, ярче, перекрикивает: «Настоящий акулий плавник! Для

Дженни Тинхуэй Чжан

повышения потенции, улучшения кожи, придаст энергию вашему маленькому императору!»

Эти слова — поэзия для всех домашних слуг, которые пришли на рыбный рынок за покупками для своих хозяев. Их тела бьются и трутся друг об друга, стремясь на голос, что кричит про акулий плавник, в надежде на награду, повышение в должности, благосклонность. Все это зависит от качества акульего плавника.

Пока остальные шумят, я все смотрю на женщину с рыбой, которая продолжает переключивать свою кучу. Ее товар не висит в сетях, как у других, он разложен на брезенте. При переключивании некоторые рыбы соскальзывают с вершины кучи на край брезента — там они уязвимы и оставлены без присмотра.

Голод давит на стенки моего желудка. Было бы так легко схватить одну рыбку. За то время, пока я подберусь, схвачу самую дальнюю от женщины тушку и убегу, она едва ли успеет подняться на ноги. Я ощупываю серебряные монетки в карманах штанов, а потом позволяю им упасть обратно за подкладку. Эти деньги нужно беречь, а не тратить на какую-то снулую рыбу. Я просто стащу одну или две — ничего такого, что она не смогла бы наверстать на следующий день. Океан изобилен.

Но к тому времени, как я решаюсь, торговка рыбой меня замечает. Она сразу понимает, кто я, видит ненасытность внутри моего ноющего желудка — настойчивость, которая опустошит все, к чему прикоснется. Мое тело предает меня: оно худенькое, как тростинка. Она узнаёт то, что видит во всех беспризорных мальчишках, осмеливающихся просколь-

Четыре сокровища неба

знуть на рыбный рынок, и, прежде чем я успеваю отвести взгляд, оказывается передо мной, тяжело дыша.

— Чего надо?

Ее глаза прищурены. Она размахивается, ее ладони размером со сковородку. Я уклоняюсь от одного, потом от двух ударов.

— Пошел, пошел! — кричит она. Позади нее в своей куче ждут блестящие сиги. Еще есть время, чтобы схватить несколько штук и убежать. Но остальной рынок уже обратил на нас внимание.

— Я вчера видел здесь этого пройдоху, — кричит кто-то. — Хватай его, и мы зададим ему хорошую порку!

Торговцы рыбой поблизости режут в знак согласия. Они выныривают из-за своего товара и образуют баррикаду вокруг меня и женщины. Не стоило тут задерживаться, думаю я, когда их плечи смыкаются. Мне придется долго объясняться с наставником Ваном, если я когда-нибудь вернусь домой. Если мне вообще разрешат остаться дома.

— Ловите его, — радостно кричит кто-то еще. Женщина делает выпад вперед, раскинув руки. Ее десны цвета гнили. Позади нее лица торговцев рыбой наполняются предвкушением. Я закрываю глаза и готовлюсь.

Но того, чего я ожидаю, не происходит. Вместо этого на мое плечо опускается что-то тяжелое, теплое и уверенное. Я открываю глаза. Женщина замерла, раскинув руки. Торговцы рыбой делают дружный вдох.

— Где же ты был? — говорит голос. Он льется сверху, он как мед. — Я тебя повсюду ищу.

Дженни Тинхуэй Чжан

Я поднимаю голову. Мне улыбается худой мужчина с большим лбом и заостренным подбородком. Он молод, но двигается так, словно несет в себе вес кого-то старше. Мне доводилось слышать рассказы о бессмертных, спускающихся с небес, о драконах, что превращаются в хранителей, которые принимают вид людей. О тех, кто защищает таких, как я. Мужчина подмигивает мне.

— Вы знаете этого негодяя? — выпаливает торговка рыбой. Теперь ее руки свисают вдоль тела, красные и покрытые пятнами.

— Негодяя? — смеется мужчина. — Он не негодяй. Он мой племянник.

Торговцы рыбой вокруг нас ворчат и начинают расходиться, возвращаясь к оставленной без присмотра рыбе. Сегодня развлечения не будет. «Красный луциан, красный луциан», — снова предлагает первый голос.

Но торговка не верит мужчине. Я это вижу. Она смотрит на него, потом на меня, пытается заставить меня отвести взгляд. Нечто в ладони на моем плече, в ее спокойном тепле говорит мне, что, если я отведу взгляд, мы не сможем покинуть это место. Я продолжаю смотреть на женщину, не мигая.

— Если у вас проблемы, — продолжает мужчина, — можете поговорить с моим отцом, господином Эном.

И тут, будто мужчина произнес какое-то заклинание, торговка рыбой первой отводит взгляд. Я моргаю один, два, три раза, внутренняя сторона век саднит.

— Прощу прощения, брат Эн, — говорит она, кланяясь. — Здесь темно, а от рыбы у меня мутится

Четыре сокровища неба

в голове. Я пошлю наставнику Эну свою лучшую рыбу, чтобы исправить эту ужасную ошибку.

Мы уходим с рынка вместе, я и этот высокий подмигивающий незнакомец. Он держит руку на моем плече, пока мы оба не оказываемся на улице. Стоит полдень, и солнечный свет окрашивает все в оттенки зеленого и золотого. Мимо нас проходит торговец со свиньей на поводке, у нее покачиваются соски. Мы находимся в той части набережной в Чжифу, где живут иностранцы. Над черепичными крышами и британским консульством к далеким холмам тянутся зеленые поля. За спиной слышен хлопковый рокот пляжа, морской бриз окутывает нас своим длинным выдохом. Воздух здесь насыщен солью. Все вокруг впитывается в меня, а я впитываюсь в него.

Я прихожу сюда, потому что тут всегда есть чем поживиться. В местах, где ходят иностранцы, я нахожу серебро, вышитые платки, упавшие перчатки. Все эти легкомысленные вещи, которыми жители Запада украшают свои тела. Сегодняшний день принес мне две серебряные монетки. Они звенят в моем кармане рядом с четырьмя монетами от наставника Вана. Можно сказать, что сегодня у меня в руках настоящее богатство.

Я осматриваю странного подмигивающего человека при дневном свете. Кажется, он богат, но одет не так, как другие виденные мной богачи. Вместо шелкового халата, *чаншаня*, он носит белую рубашку с блестящей тряпицей, свисающей с шеи. Его тяжелый черный кафтан распахнут, а не застегнут до самой шеи, и штаны на нем узкие. Страннее всего его волосы: они не заплетены в косу, а коротко острижены.

Дженни Тинхуэй Чжан

— Что думаешь, племянничек? — говорит мой спаситель, все еще улыбаясь.

— Я девочка, — выпаливаю я. Не могу сдержаться.

Он смеется. Солнечный свет отражается в двух желтых зубах. Я думаю про сказки, где у людей желтые зубы, которые выросли из кусочков золота.

— Я это знал, — говорит он, — но в данном случае нам обоим пошло на пользу, что ты прикинулась мальчиком. — Он осматривает меня, его глаза полны решимости. — Голодная? Ты тут одна? Где твоя семья?

Я отвечаю ему, что да, я голодна. Мне очень хочется, чтобы он проявил ко мне свою милость. А еще я тоже хочу кое-что спросить у него, например:

— Кто вы такой? Откуда вы взялись? Кто такой наставник Эн и почему торговка рыбой так резко отстала, когда вы назвали его имя?

— Позволь мне рассказать тебе обо всем, — говорит он, снова кладя ладонь мне на плечо. Он предлагает мне поесть лапши — дальше по улице есть хорошее место.

Что-то подсказывает мне, что к этому приглашению нельзя относиться легкомысленно. Я киваю и застенчиво улыбаюсь. Этого ответа достаточно. Он уводит меня от рыбного рынка, и мы вместе идем по улице, минуя почту, три иностранных консульства и церковь. Прохожие бросают на нас взгляды, прежде чем вернуться к своим делам, на мгновение пораженные странной парочкой отца и сына: один одет как персонаж из театра, а другой бледный и пугливый. За нашими спинами пенится океан.

Четыре сокровища неба

У каждой лапшичной, которую мы проходим, я спрашиваю своего спасителя: «Это она?» У каждой лапшичной, мимо которой мы проходим, он отвечает: «Нет, маленький племянник, еще не совсем». Мы продолжаем идти, пока я не перестаю узнавать, где мы находимся, и когда останавливаемся, я осознаю, что мы никогда не окажемся в лапшичной.

Шел первый день весны.